

На правах рукописи

АНТОЩЕНКО Александр Васильевич

**«ЕВРАЗИЯ» или «СВЯТАЯ РУСЬ»?
РОССИЙСКИЕ ЭМИГРАНТЫ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ»
В ПОИСКАХ ИСТОРИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ**

Специальность: 07.00.09 - историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Санкт-Петербург, 2004

Работа выполнена на кафедре истории России и зарубежных стран
Республиканского гуманитарного института Санкт-Петербургского го-
сударственного университета.

Научный консультант:

доктор исторических наук, профессор
Смирнов Николай Николаевич

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор
Ганелин Рафаил Шоломович

доктор исторических наук, профессор
Смолин Анатолий Васильевич

доктор исторических наук, профессор
Ходяков Михаил Викторович

Ведущая организация:

Северо-Западная академия государственной службы

Защита состоится «21» сентября 2004 г. в 15³⁰ часов на заседа-
нии диссертационного совета Д 212.232.52 по защите диссертаций на
соискание ученой степени доктора наук при Санкт-Петербургского го-
сударственном университете по адресу: 199155 Санкт-Петербург, пер.
Декабристов д. 16. Зал заседаний Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке им. А. М. Горь-
кого Санкт-Петербургского государственного университета по адресу:
199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9.

Автореферат разослан 16 сентября 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук

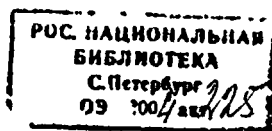

Лейкин А.Я.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования определяется как общественно-политическими процессами, происходящими в России, так и потребностями преодоления кризиса исторического познания, охватившего в том числе и историографию, как самостоятельную историческую дисциплину. Рухнувшая в конце 1980-х гг. идеологическая плотина открыла путь для возвращения на родину культурных ценностей, созданных российскими эмигрантами в сложный пореволюционный период. Сходство многих исторических явлений, характерных для переломных эпох, определило востребованность идейных исканий представителей «первой волны» пореволюционной эмиграции в современной России, о чем свидетельствует широкое переиздание их работ, обращение к их оценкам в публицистике для объяснения современной ситуации в стране, для выработки новой национальной идентичности. Вслед за публицистическим «освоением» пришло время научного осмысления. Исследование исторических взглядов российских эмигрантов дает ключ к пониманию механизмов восприятия прошлого, определению той роли, которую оно играет в современной жизни, выступая основой исторического самосознания общества. Помимо этого, историческая мысль «русского зарубежья» несомненно является неотъемлемой частью развития отечественной историографии. Без учета особенностей ее формирования и развития, включения в общее исследовательское поле историографических исследований последнее будет значительно обеднено. Плодотворное изучение исторических взглядов эмигрантов возможно лишь на основе новых подходов, которые позволят непредвзято - без преувеличения достижений и игнорирования заслуг-определить их вклад в разработку оригинальных методологических принципов познания прошлого, выявить, что в их творчестве является непреходящим, а что обусловлено конкретными историческими условиями.

Предмет, проблема и задачи исследования. Социальная революция является коренным переломом в социально-экономическом и политическом развитии общества, определяющим вместе с тем разрыв культурной традиции в результате смены социальной элиты, задающей культурные образцы жизнедеятельности. Особенно наглядно это проявилось в России, поскольку в ходе революционных потрясений, гражданской войны значительная часть интеллигенции вынуждена была покинуть родину и поселиться за границей. Приход к власти большевиков и утрата родины стали психологической травмой для большинства

эмигрантов, так как в результате этого был утрачен не только привычный быт, но и разрушены основополагающие принципы мировосприятия. *Coup d'etat* большевиков, как эмигранты определяли события октября 1917 г., не укладывался в сложившиеся у них до революции представления о ходе исторического процесса, угрожая не только этим конкретным представлениям, но и самому понятию «смысл истории» как базовому основанию исторического сознания. Ответом на вызов истории стало создание исторических и историософских концепций, которые были призваны содействовать преодолению разрыва путем придания нового смысла историческому прошлому России и определению на этой основе смысла собственной деятельности вдали от родины.

Предметом изучения в данной работе являются исторические взгляды евразийцев - Николая Сергеевича Трубецкого (1890-1938), Петра Николаевича Савицкого (1895-1968), Георгия Владимировича Вернадского (1887-1973), а так же профессоров Богословского православного института в Париже Антона Владимировича Карташева (1875-1960) и Георгия Петровича Федотова (1886-1951), создавших оригинальные концепции исторического прошлого России, рассматриваемого как судьба «Евразии» - в первом случае и «Святой Руси» - во втором. Такой сравнительный анализ тем более интересен, что А. В. Карташев и Г. П. Федотов одно время публиковались в евразийских издательствах, хотя очень скоро покинули их. Однако это стало основанием причисления А. В. Карташева в исследовательской литературе к основателям евразийства¹ (доказательство неверности данного утверждения является частной задачей исследования).

В либеральной российской историографии (а именно она занимала ведущие позиции в профессиональном исследовании истории в конце XIX - начале XX в.) господствовал *европоцентристский* подход к истории России. Он базировался на представлении о том, что русский народ проходит в своем развитии те же ступени, что и другие европейские народы. Отставание и отклонения в его развитии объяснялись географическими и историческими условиями. Этим обуславливалась вера либералов в то, что Россия в конечном счете приобщится ко всем плодам западной цивилизации (так, например, считали наиболее авторитет-

¹ См.: Кувакин В. А. Религиозная философия в России: начало XX века. М., 1980. С. 124; Евразия: Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992. С. 3, 8, 122-123.

ные из историков, оказавшихся в эмиграции, - П. Н. Миллюков и А. А. Кизеветтер).

Такое телеологическое в своей основе видение исторического процесса, как справедливо замечает американский исследователь М. Раев, с неотвратимостью вело к признанию неизбежности революции². Выдвигая задачу *духовного* преодоления революции на путях *самопознания*, евразийцы тем самым ратовали за утверждение *иного исторического мировидения*, создающего совершенно новую основу для смыслообразования при обобщении исторических свидетельств. Выражением этого стало стремление представить прошлое России как историю «Евразии». По сути, ту же задачу решали А. В. Карташев и Г. П. Федотов, исторически обосновывая идеал «Святой Руси». При этом вместе с изменением центрального субъекта исторического повествования и всей совокупности характеризующих его фактов (т. е. вместе с новым ответом на вопрос: что есть история России?) должна была преобразиться *форма* организации исторического материала в смыслообразующую целостность. Понятно, что дореволюционные способы придания смысла российской истории оказывались в этих условиях неприемлемы. Таким образом, проблема исследования может быть сформулирована следующим образом: *как осмысливался вызванный революцией разрыв культурной традиции и как это отразилось на изменении стиля исторического мышления?* Ответ на данный вопрос можно получить, проследив процесс интеллектуального освоения культурного разрыва, связанного с революцией, и выявив вызванные этим перемены во взглядах на культурно-историческую идентичность, формируемую на основе переосмысления исторической судьбы России.

Изучение данной проблемы предполагает последовательное решение следующих исследовательских задач:

- теоретически обосновать возможности применения основных положений нарратологии для изучения истории исторической мысли, дать характеристику основных категорий и понятий историографии как процесса историзации памяти, выявить их внутреннюю связь и системность, определить преимущества нового подхода перед утвердившейся методологией историографического анализа;

² Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции (1919-1939). М., 1994. С. 209.

- критически рассмотреть современную историографию проблемы для выявления возможностей дальнейшего сравнительного изучения материала;
- реконструировать теоретико-методологические основания исторических взглядов евразийцев (Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Г. В. Вернадского) и профессоров Богословского православного института в Париже А. В. Карташева и Г. П. Федотова;
- на основе содержательного сравнения репрезентации прошлого России как «Евразии» и «Святой Руси» выявить сходства и различия в оценках ими основных этапов российской истории;
- в ходе формального анализа исторических повествований выявить их внутреннюю структуру, определить возможности и ограниченность представления в них российской истории, показать каким образом этими повествованиями задавалась временная ориентация читателей и на этой основе формировалось ценностное отношение к прошлому и идеал будущего развития страны.

Такая постановка проблемы и задач исследования соответствует эволюции предмета изучения, т. е. пониманию евразийцами своей исходной общности как общности *катастрофического мироощущения*, из которого могут быть выведены некоторые положения практического свойства, и постепенному воплощению поначалу лишь смутно угадываемого ими «тектонического» движения истории в более определенные общие положения. Подобным образом протекал процесс оформления эсхатологического мировосприятия, обостренного революцией и эмигрантским положением и выразившегося в отдельных статьях, в целостную программу «Воссоздания "Святой Руси"» А. В. Карташева и в концепцию древнерусской святости Г. П. Федотова.

Хронологические рамки исследования ограничиваются межвоенным периодом (1919-1939 гг.), который рассматривается как завершённый этап в оформлении идейных исканий эмигрантов, вынужденных покинуть Россию после революции³.

Источниковая база диссертации формировалась в соответствии с определенными предметом, целью, задачами и хронологическими рамками исследования. Поскольку целью является *историографическое* изучение наследия ведущих представителей евразийского и религиозно-

³ Федотов Г. П. О парижской поэзии // Вопросы литературы. 1990. № 2. С. 232.

исторического направлений в исторической мысли русского зарубежья и их влияния на выработку принципов культурно-исторической идентичности эмигрантов «первой волны», постольку главное внимание было уделено *опубликованным* историографическим источникам, которые были доступны массовому читателю.

Первая группа источников представляет собой работы авторов, чье творчество анализируется в диссертации. Прежде всего следует обратить внимание на то, что сложные условия эмигрантского существования, оторванность от архивов определили невысокий удельный вес монографий в этой группе. Преобладающими в ней являются учебники и брошюры. Однако именно в них наиболее полно отразились отношение к основным периодам русской истории и оценки важнейших событий и процессов в прошлом страны. Данные работы, выражающие особенности концептуальных построений Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Г. В. Вернадского, А. В. Карташева, Г. П. Федотова, стали базой для сравнительного анализа содержания их концепций и выявления своеобразия дискурсивной формы представления результатов исследования читателям.

Не менее важной является вторая группа источников - статьи как исторического, так и публицистического содержания, появившиеся в периодических и неперидических изданиях. Обращение к данной группе источников обусловлено стремлением показать процесс оформления исторического видения прошлого России в целостное повествование, что возможно только при рассмотрении того, как выдвигались, развивались и уточнялись отдельные положения, составившие в конечном итоге концепцию. Немаловажное значение при изучении этой группы источников имеет общественно-политическая направленность периодических и неперидических изданий. Учет этого позволяет раскрыть, как процесс общественно-политического размежевания в эмигрантской среде влиял на уточнение исторических взглядов изучаемых авторов. Однако не следует при этом забывать и о межличностных и профессиональных отношениях, нередко обуславливавших на начальном этапе выбор того издания, в которых появлялись статьи.

При анализе статей ведущих представителей евразийства, помещавшихся в евразийском неперидическом издании «Утверждение евразийцев» (всего с 1921 по 1931 гг. вышло 7 сборников), следует учитывать, что они формировались по вполне определенному плану, которым предусматривалась целостность издания и, соответственно, место в сборнике той или иной статьи того или иного автора. Поэтому важно

четко выявить взаимозависимость положений, развиваемых в них, что позволит увидеть незаметные на первый взгляд нюансы индивидуального подхода к историческим проблемам Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого и Г. В. Вернадского.

К вспомогательным источникам относятся рецензии, письма, воспоминания и некрологи. Характерно, что рецензий друг на друга, написанных авторами, чье творчество изучается в диссертации, практически нет. По-видимому, это объясняется желанием не выказывать никаких разночтений в рамках единых направлений. При обращении к их рецензиям на появлявшиеся работы русских эмигрантов и зарубежных ученых и литераторов следует помнить, что порой в них проявлялись нюансы, дополняющие их общие представления об истории России.

Среди рецензий большую группу составляют критические выступления против евразийцев, и лишь несколько - против А. В. Карташева и Г. П. Федотова. При их рассмотрении следует помнить, что рецензии в эмигрантских периодических изданиях, обращенных к массовому читателю, неискушенному в тонкостях исторического ремесла, зачастую не соответствовали строгим академическим канонам. Написанные зачастую эмоционально, они в большей мере выражали отношение к общей направленности критикуемых работ. Поэтому при их использовании необходимо учитывать общефилософские, религиозные и общественно-политические взгляды авторов рецензий. Кроме того, можно заметить, что многие критические положения, высказанные в рецензиях, стали впоследствии основой для историографических оценок в зарубежной и отечественной исследовательской литературе.

Такие группы источников, как письма и мемуары, использовались для уяснения характера межличностных отношений мыслителей, чье творчество исследуется в диссертации. Это позволяло порой выявить скрытые разногласия в оценке ими роли тех или иных явлений или процессов, имевших место не только в современных им условиях, но и в прошлом их родины. Наконец, при обращении к материалу некрологов, с одной стороны, учитывалась их близость по характеру происхождения к мемуарам (все некрологи были написаны людьми, лично знавшими ушедших из жизни). С другой стороны, принимались во внимание особенности этого источника, которые заключаются в стремлении автора выделить самое существенное в образе того, о ком он пишет, в соответствии не только с личными представлениями, но и общепризнанным «шаблоном» характеристики выдающегося деятеля науки.

Общий исследовательский подход. В качестве основы для рассмотрения материала выбрана индивидуализация на основе типологического подхода. Особенно актуально представление индивидуальных черт исторических повествований евразийцев, поскольку коллективный портрет евразийства зачастую грешит неточностями, выражающимися в приписывании каждому из них тех общих положений «евразийского мировоззрения», которые не всегда разделялись ими. Такие характеристики являются следствием того, что большинство авторов обобщающих работ довольствуются изложением *общих* положений евразийской доктрины, как будто она возникла сразу же как целостная система и в ней не было внутренних противоречий, определяемых различием в подходах ее основных авторов. Поэтому наметившуюся в зарубежной, а затем и в отечественной историографии тенденцию *индивидуального* изучения взглядов отдельных представителей евразийства можно только приветствовать, поскольку она соответствует самосознанию евразийцев⁴.

В не меньшей мере следует учитывать своеобразие индивидуальных черт мировосприятия А. В. Карташева и Г. П. Федотова. Они, хотя и были оба профессорами Богословского института, в стенах которого, по замечанию о. С. Булгакова, сформировалось «парижское богословие», по-разному интерпретировали его.

В рамках данного подхода применялись все основные методы исторического исследования: генетический, сравнительный, типологический, системный, структурно-функциональный.

Теоретико-методологические принципы и основные понятия исследования разработаны в отдельной главе и характеризуются во второй части автореферата.

Степень изученности проблемы охарактеризована в первой главе, в которой дается обзор историографии проблемы. В ней рассмотрены работы зарубежных и отечественных исследователей. Начало изучению идеологии российских эмигрантов «первой волны» было положено после Второй мировой войны. Причем ее изучение вплоть до середины 1980-х гг. было главным образом делом зарубежных исследователей, которых прежде всего интересовали евразийцы. Это неудивительно, если учесть, что евразийское движение уже прекратило свое существование и могло стать предметом исторического изучения. В начальный период - во второй половине 1940-х гг. - к изучению проблемы обрати-

⁴ Евразийский временник. Утверждение евразийцев. Кн. 3. Берлин, 1923. С. 6.

лись сами эмигранты, в работах которых сразу же определились существенные разногласия в оценках⁵.

С 1960-х гг. начинается период аналитического изучения евразийства в монографии немецкого историка О. Босса, исследовавшего всю систему евразийской идеологии⁶, и в статьях американского историка Н. В. Рязановского, сосредоточившегося на формировании взглядов евразийцев⁷. Подробный разбор исследования немецкого историка позволяет сделать вывод, что оно сохраняет свое значение в тех частях, где раскрываются внутренние противоречия взглядов евразийцев. Там же, где их положениям противопоставляются собственные наблюдения автора или выводы других исследователей, они отчасти устарели или могут вызвать контрдоводы современных сторонников евразийства. Кроме того, не всегда оправданным оказывается стремление О. Босса воспроизвести общий всем евразийцам взгляд на ту или иную проблему. Наконец, автор не учитывал динамику евразийской доктрины.

Статьи Н. В. Рязановского положили начало новому направлению исследований, помещающих евразийство в более широкий культурно-исторический и идеологический контекст, что позволяло наметить новые связи и влияния. Так, С. В. Утехин в краткой истории «Русской политической мысли» проследил влияние евразийской доктрины на становление идеологии солидаризма, Р. Виллиамс в книге «Культура в из-

⁵ Ср.: Ishboldin B. The Eurasian Movement // *Russian Review*. 1946. Vol. 5. No. 2. С. 64-73; Струве Г. *Русская литература в изгнании*. Париж, 1946. С. 40-49; Рязановский В. А. *Обзор русской культуры: Исторический очерк*. NY., 1948. Ч. 2. Вып. 2. С. 170-172. Еще до войны краткую объективистскую характеристику «евразийской школе» в русской эмигрантской историографии дал эмигрант А. Дж. Мазур, повторивший ее практически без изменений в послевоенном издании «Современная русская историография». Ср.: Mazour A. G. *An Outline of Modern Russian Historiography*. Berkeley, 1939. P. 99-104; Mazour A. G. *Modern Russian Historiography*. Princeton, 1958. P. 236-242.

⁶ Böss O. *Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts*. Wiesbaden, 1961. Босс О. *Учение евразийцев / Пер. с нем. Н. А. Никоновой и А. А. Троянова // Начала*. 1992. № 4. С. 89-98. Перевод первой главы.

⁷ Riasanovsky N. V. Prince N. S. Trubetskoy's «Europe and Mankind» // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1964. Bd. 12. Hf. 2. P. 207-220; Riasanovsky N. V. *The Emergence of Eurasianism // California Slavic Studies*. 1967. Vol. 4. P. 39-72; Рязановский Н. В. *Возникновение евразийства / Пер. И. Виньковецкого // Звезда*. 1995. № 2. С. 29-44.

гнании» показал взаимоотношения евразийцев с другими эмигрантскими группами в Берлине, а М. Агурский попытался обосновать близость их взглядов с национал-большевизмом⁸. Правда, негативным следствием такого обобщающего подхода стало значительное упрощение и схематизация взглядов евразийцев.

Против упрощенного подхода к евразийству выступил немецкий историк Л. Люкс⁹, который рассмотрел его в контексте общего идеологического движения между двумя мировыми войнами, показал сходства и различия с представителями «консервативной революции» в Германии, подверг критике мнение о близости евразийства с большевизмом или фашизмом. Другой немецкий исследователь, А. Игнатов, был более критичен в отношении евразийцев¹⁰. Оценивая его с ярко выраженных западных позиций, он охарактеризовал их взгляды как разновидность мифотворчества, которое выполняет компенсаторную роль, ослабляя чувство собственной неполноценности, возникающее всякий раз после очередной неудачи в соревновании с Западом. Помимо этого, евразийство, в его интерпретации, идеологически обосновывает консервативные политические устремления в современных условиях¹¹.

⁸ Utechin S. V. *Russian Political Thought*. NY., L., 1963. P. 256-261; Williams R. C. *Culture in Exile*. Ithaca & L., 1972. P. 258-260; Агурский М. *Идеология национал-большевизма*. Париж, 1980. С. 98-102.

⁹ Luks L. *Die Ideologie der Eurasier im zeitgeschichtlichen Zusammenhang // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1986. Hf. 34. S. 374-395. Положения статьи оказались востребованными в отечественной историографии. См.: Люкс Л. К вопросу об истории идейного развития «первой» русской эмиграции // *Вопросы философии*. 1992. № 9. С. 160-164; он же. *Евразийство // Вопросы философии*. 1993. № 6. С. 105-114.

¹⁰ Ignatov A. *Der «Eurasismus» und die Suche nach einer neuen russischen Kulturidentität: Die Neubelebung des «Evracijistvo» // Mythos*. Köln, 1992. См. рус. перевод: «Евразийство» и поиск новой русской культурной идентичности // *Вопросы философии*. 1995. № 6. С. 49-64. См. также обстоятельный реферат работы: Жмакин Ю. Д. Игнатов А. «Евразия» и поиски новой русской культурной самобытности: возрождение «евразийского» мифа // *Россия и современный мир*. 1993. № 2. С. 147-154.

¹¹ Неудивительно, что статья А. Игнатова была очень быстро переведена на русский язык: «Евразийство» и поиск новой русской культурной идентичности // *Вопросы философии*. 1995. № 6. С. 49-64. Еще раньше появился обстоятельный реферат работы: Жмакин Ю. Д. Игнатов А. «Евразия» и поиски новой русской культурной самобытности: возрождение «евразийского» мифа // *Россия и современный мир*. 1993. № 2. С. 147-154.

С начала 1980-х гг. в зарубежной историографии наметилась новая тенденция в изучении евразийства - анализ взглядов отдельных его представителей, причем оценки влияния евразийства сразу же приобрели противоположный характер. Так, Ч. Гальперин пришел к выводу, что «в своих наиболее евразийских работах Вернадский не осуществил профессионально приемлемого исследования»¹². А. Либерман, напротив, очень высоко оценил вклад Н. С. Трубецкого в формирование евразийских оснований самосознания русских эмигрантов¹³.

Таковыми же противоположными оказались и оценки отечественных исследователей, которые стали интенсивно изучать евразийскую проблематику с начала 1990-х гг. Детальный анализ публикаций последнего десятилетия позволяет сгруппировать их следующим образом. Во-первых, рассмотрение евразийства с точки зрения их отношения к мировой культуре и истории. Здесь следует отметить, с одной стороны, продолжение традиции либеральной критики евразийцев, заложенной эмигрантами послереволюционного периода (И. А. Исаев, Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская, О. Д. Волкогонова, Н. А. Омельченко)¹⁴, с другой - стремление вписать евразийцев в мировую культурологическую традицию (Ф. И. Гиренок, Л. В. Пономарева, В. М. Хачатурян)¹⁵. Второй

¹² Halperin Ch. *Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism* // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1985. Bd. 36. S. 186. Монография предшествовала столь же критичная статья: idem. *George Vernadsky, Eurasianism, the Mongols, and Russia* // *Slavic Review*. 1982. Vol. 41. No. 3. P. 477-493.

¹³ См.: Liberman A. N. *S. Trubetzkoy and His Works on History and Politics* // *Trubetzkoy N. S. The Legacy of Ghengis Khan and Other Essays on Russia's Identity*. Ann Arbor, 1991. P. 295-375. Положения послесловия А. Либермана очень близки выводам В. Н. Топорова. См.: его. *Николай Сергеевич Трубецкой – ученый, мыслитель, человек: К 100-летию со дня рождения* // *Советское славяноведение*. 1990. № 6. С. 51-84; 1991. № 1. С. 78-99.

¹⁴ См. Исаев И. А. *Политико-правовая утопия в России: Конец XIX – начало XX века*. М., 1991. Гл. 13 и др. работы; Новикова Л. И., Сиземская И. Н. *Два лика евразийства* // *Свободная мысль*. 1992. № 7 и др.; Волкогонова О. Д. *Образ России в философии Русского Зарубежья*. М., 1998. Гл. 2 и др.; Омельченко Н. А. *В поисках России: Общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности*. СПб., 1996. С. 139-177 и др.

¹⁵ См.: Гиренок Ф. И. *Евразийские тропы* // *Вестник высшей школы*. 1992. №7/9. С. 34-43 и др.; статьи в сборнике: *Евразия: Исторические взгляды русских эмигрантов*. М., 1992 и др.

подход к евразийству направлен на выявление вклада евразийцев в развитие русской идеи. Здесь также можно выделить две позиции. Если С. С. Хоружий, А. В. Соболев, Р. А. Урханова рассматривают русскую философскую традицию с позиций развития универсальных ценностей и соответствующим образом оценивают евразийцев¹⁶, то статьям В. В. Кожина, С. Ю. Ключникова, Т. Н. Очировой, Ю. К. Герасимова присущ националистический оттенок¹⁷. Наконец, третий подход представлен продолжателями евразийства, считающими его самобытным явлением, не укладывающимся как в рамки западной либеральной традиции, так и русской националистической. Здесь следует разграничить преемство в академической и политической сфере. Причем спектр политических преемников весьма широк - от Н. А. Назарбаева и журнала «Свободная мысль» до А. Г. Дугина и журнала «Элементы»¹⁸. Именно политическая ангажированность евразийства, как представляется, стала причиной подчеркнуто объективистского подхода к анализу исторических взглядов евразийцев в монографии М. Г. Вандалковской¹⁹. Однако характерный для работы отказ от оценочных суждений чреват игнорированием проблемы значения их исторических построений, а стремление свести воедино высказывания о прошлом России отдельных представителей евразийского направления - их нивелировкой. Тем не менее,

¹⁶ Соболев А. В. Князь Н. С. Трубецкой и евразийство // Литературная учеба. 1991. № 6. С. 121-130 и др.; Урханова Р. А. Евразийство как идейно-философское течение в русской культуре XX века. Автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 1992 и др.; Хоружий С. С. Трансформация славянофильской идеи в XX веке // Вопросы философии. 1994. № 11. С. 52-62 и др.

¹⁷ Кожин В. В. Историсофия евразийцев // Наш современник. 1992. № 2. С. 140-144 и др.; Ключников С. Ю. Восточная ориентация русской культуры // Русский узел евразийства: Восток в русской мысли. М., 1997. С. 5-70 и др.; Очирова Т. Н. Евразийство и пути русского исторического самопознания // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 4. С. 34-47; Герасимов Ю. К. Религиозная позиция евразийства // Русская литература. 1995. № 1. С. 159-176.

¹⁸ См.: Губман Б. Л. Евразийский синдром // Россия и Запад: Диалог культур. Тверь, 1994. С. 6-14. О евразийской тематике на страницах журнала «Элементы» см.: Luks L. Der «dritte Weg» der «Neo-Eurasischen» Zeitschrift «Elementy» – zurück ins Dritte Reich // Studies in East European Thought. Vol. 52. Nos. 1-2. P. 49-71.

¹⁹ Вандалковская М. Г. Историческая наука российской эмиграции: «Евразийский соблазн». М., 1997.

если сами по себе академические исследования евразийства могут быть только приветствуемы, то некоторые политические выводы из них вызывают тревогу. Прежде всего это сближение евразийства с идеологией консервативной революции и новыми правыми, которые воспринимаются в России как фашисты.

В отличие от евразийцев, возвращение на родину творческого наследия А. В. Карташева и Г. П. Федотова не вызвало такого бурного обсуждения и политического размежевания. Во многом это определяется, по-видимому, тем, что сначала были опубликованы их научные работы, получившие высокую оценку, что в какой-то мере воспрепятствовало критике появившейся затем публицистики. В работах А. Н. Сахарова, первым давшего историографическую оценку «Очерков по истории Русской церкви» А. В. Карташева²⁰, были преодолены незаслуженно негативные оценки общественно-политической и научной деятельности историка, присущие работам советского времени²¹. Развивая оценки учеников и коллег А. В. Карташева, А. Н. Сахаров показал место понятия «Святая Русь» в формировании концепции истории Русской православной церкви²². В диссертации и статьях С. П. Бычкова на основе архивных материалов и опубликованных источников проанализированы религиозно-философские и теоретико-методологические основания ис-

²⁰ Сахаров А. Н. От публикатора // Карташев А. В. Очерки по истории Русской церкви. М., 1991. Т. 1. С. III-XVI; он же. «Се тебе талант владыка вверяет» (Антон Владимирович Карташев) // История и историки. 2001. Историографический вестник. М., 2001. С. 187-211.

²¹ Ср.: Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола русской православной церкви. Казань, 1970. С. 7-10; Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. С. 274-275; Кувакин В. А. Религиозная философия в России: (Начало XX века). М., 1980. С. 124; Семенкин Н. С. Философия богоискательства: (Критика религиозно-философских идей софиологов). М., 1986. С. 153.

²² Ср.: Еп. Кассиан (Безобразов С. С.). Антон Владимирович Карташев // Православная мысль. Вып. 11. Париж, 1957. С. 9-16; Зернов Н. М. А. В. Карташев // Русская религиозно-православная мысль XX века. Питтсбург, 1975. С. 262-268; Мейендорф И. А. В. Карташев – общественный деятель и церковный ученый // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 169-173; Сахаров А. Н. Апостол истории «Святой Руси»: (Антон Владимирович Карташев) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 89-107.

следований церковного историка и его историческая концепция²³. Однако попытка исследователя увидеть за историческими построениями А. В. Карташева схему П. Н. Милюкова «внутренний фактор» - «место-развитие» - «личность» представляется недостаточно обоснованной. Не соответствует всему объему изучаемого материала и его вывод об «обшей стабильности воззрений» А. В. Карташева до и после революции.

В отличие от А. В. Карташева, Г. П. Федотов привлек значительно большее внимание отечественных исследователей. Появившиеся за последние пятнадцать лет публикации о нем можно сгруппировать следующим образом. Первая группа представлена работами авторов (В. Н. Топоров, Н. И. Толстой, С. Е. Никитина), рассматривающих его творчество с точки зрения дальнейших перспектив изучения религиозной духовности народа и древнерусской святости²⁴. Вторую группу составляют исследования, базирующиеся на биографическом подходе²⁵. Наконец, третья группа - работы, в которых творчество Г. П. Федотова помещается в более широкий контекст, создаваемый анализом религиозно-философских, социологических или историософских взглядов его современников-эмигрантов или даже дореволюционных и пореволюционных мыслителей²⁶. Каждой из них присущи свои сильные и свои сла-

²³ См.: Бычков С. П. Антон Владимирович Карташев – историк Русской православной мысли. Автореф. дис... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1999; он же. А. В. Карташев и русское религиозно-философское возрождение в начале XX века // Мир историка: Идеалы, традиции, творчество. Омск, 1999. С. 56-74 и др.

²⁴ Топоров В. Н. О русском мыслителе Георгии Федотове и его книге // Наше наследие. 1988. № 4. С. 45, 50-53; Толстой Н. И. Несколько слов о новой серии и книге Г. П. Федотова «Стихи духовные» // Федотов Г. П. Стихи духовные: (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991. С. 5-9; Никитина С. Е. «Стихи духовные» Г. Федотова и русские духовные стихи // Там же.

²⁵ Мень А. Возвращение к истокам // Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 7-26; Бойков В. Ф. Судьба и грехи России: (Философско-историческая публицистика Г. П. Федотова) // Федотов Г. П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры. Т. 1. СПб., 1991. С. 3-38; Бычков С. С. Георгий Петрович Федотов: (Биографический очерк) // Федотов Г. П. Собр. соч.: В 12 тт. Т. 1. М., 1996. С. 5-50; Рыбачук В. Б. Философия истории Г. П. Федотова. Учебное пособие. Тверь, 1996; Зайцева Н. В. Логика любви: Россия в историософской концепции Георгия Федотова. Самара, 2001 и др.

²⁶ Куклин А. П. Эсхатологическая тема в русской мысли: (К философскому портрету Г. П. Федотова) // Горизонты культуры. СПб., 1992. С. 119-188; Боло-

бые стороны. Если в первой группе основное внимание авторов сосредоточено на исследовательских монографических работах Г. П. Федотова, то во второй и третьей - на его публицистике. В свою очередь ряд исследователей, отнесенных ко второй группе (В. Б. Рыбачук, Н. В. Зайцева), упускают из виду определяющее значение религиозного обоснования культурологии и историософии Г. П. Федотова, в то время как отдельные представители третьей группы (например, А. П. Куклин), сосредоточившись на эсхатологической теме, напротив, отодвигают на периферию его исторические исследования.

Подводя итог историографическому обзору, диссертант приходит к выводу о необходимости выработки нового методологического подхода, который позволит преодолеть пестроту мнений и оценок, нередко диктуемую восприятием взглядов изучаемых авторов с позиций современности, т.е. востребованности их отдельных положений в современных идейных спорах.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что в нем применяются оригинальные методологические принципы изучения исторических взглядов представителей российской пореволюционной эмиграции «первой волны». Автором впервые:

- сделан обобщающий историографический обзор исследований отечественных и зарубежных авторов, анализировавших взгляды евразийцев, А. В. Карташева и Г. П. Федотова, показаны их сильные и слабые стороны, определены пути дальнейшего изучения проблемы и повышения его эффективности;
- теоретически обоснован антропологический подход к предмету историографии, даны определения его основных понятий - «историческая память», «идентичность» (самосознание), «исторический нарратив» (повествование), охарактеризовано их соотношение с понятиями, ранее утвердившимися в историографических исследованиях, раскрыта системная связь между ними, обоснова-

токов Н. А., Кумыков А.. М. Феномен наций и национально-психологические проблемы в социологии русского зарубежья. Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Б. Н. Вышеславцев, И. А. Ильин, Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, И. Л. Солоневич, П. А. Сорокин, Г. П. Федотов. М., 1998; Волгогонова О. Д. Образ России в философии Русского Зарубежья. М., 1998; Ивонина О. И. Время свободы. Новосибирск, 2000.

но значение типологии исторического повествования для выявления субъективной временной ориентации читателей;

- в результате сравнения религиозных, философских и теоретико-методологических оснований изучения прошлого России раскрыты черты сходства и различия в осмыслении евразийцами, А. В. Карташевым и Г. П. Федотовым движущих сил исторического процесса, его направленности и роли человеческой личности в истории, охарактеризованы новые по сравнению с дореволюционной российской историографией принципы изучения прошлого, разработанные ими;
- на основе содержательного анализа исторических концепций ведущих представителей евразийского и религиозно-исторического направлений в эмигрантской историографии показаны общие черты и особенности их оценок основных явлений, процессов и периодов русской истории;
- с помощью формального анализа выявлены принципы формирования культурно-исторического самосознания эмигрантов, которые были заложены в создаваемых евразийцами, А. В. Карташевым и Г. П. Федотовым исторических повествованиях, определена субъективная временная ориентация, формируемая ими.

Теоретическая и практическая значимость исследования определяется необходимостью поиска новых подходов к изучению отечественной историографии, два важнейших исследовательских принципа которой - партийность и объективность - подверглись в последние годы разрушительной эрозии. Обосновываемый в работе антропологический подход открывает, как представляется, возможности для преодоления возникших трудностей. Первая попытка такого рода изучения материала уже была опробована диссертантом (в соавторстве с Т. Н. Жуковской) на материале отечественной историографии второй трети XIX в. Теоретические положения работы могут найти так же применение в процессе преподавания курса "Теория и методология истории". Результаты содержательного и формального анализа исторических повествований евразийцев, А. В. Карташева и Г. П. Федотова можно использовать в преподавании отечественной историографии, поскольку в имеющихся учебных пособиях историческая мысль российских эмигрантов либо не характеризуется вообще, либо представлена весьма схато.

Апробация результатов исследования. Положения и выводы, обоснованные в диссертации, отражены в монографии «"Евразия" или "Святая Русь"? Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории», библиографическом указателе «О Евразии и евразийцах», публикациях источников, статьях, тезисах выступлений общим объемом более 35 п.л. Методология исследования, его проблематика и промежуточные результаты изучения материала апробировались в выступлениях автора с научными докладами и сообщениями на международных, всероссийских и региональных конференциях, коллоквиумах, семинарах, а так же в ходе чтения лекционных курсов «Теория и методология истории», «Отечественная историография» и спецкурсов в Петрозаводском государственном университете. Текст диссертации был обсужден на кафедре истории России и зарубежных стран Института российской истории при Санкт-Петербургском государственном университете.

Структура диссертации. Исследование состоит из введения, семи глав, заключения и списка источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Для изучения проблемы, определенной во введении диссертации, обосновываются следующие **теоретические понятия, методологические принципы и методические требования:**

В качестве основного понятия исследования используется понятие «нарратив» (повествование). Нарратив является формой придания смысла описываемым событиям или явлениям. Исходя из этого, исторический нарратив можно определить как форму получения и представления читателям определенным образом осмысленного исторического знания, т. е. он выступает как оформление процесса исторического познания. В нем выражается определенное представление об истории, ее значении для современности, характерное для того или иного периода развития общества и его культуры. В историческом повествовании запечатлено отношение к прошлому, соотношение его с настоящим, определяющее горизонты видения будущего, что выражается в структуре нарратива. Именно структурированность повествования, в котором можно выделить начало, середину и окончание, придает смысл рассказываемому, будь то устное или письменное повествование.

Переход от одного типа нарратива, с присущим ему способом включения исторических данных в повествование, к другому, с иным, изме-

нившимся способом представления читателю изученного материала, можно рассматривать как выражение перехода от одной познавательной парадигмы к другой. Тем самым предмет историографии может быть определен как изменение отношения к прошлому в процессе познания истории, выражающееся в смене видов или типов исторических нарративов. Данное определение отличается от принятого в отечественной литературе, в которой историография рассматривается как история исторической науки, а ее центральным понятием считается концепция.

Призыв использовать понятие «нарратив» вовсе не означает, что оно должно вытеснить или заменить собой понятие «концепция», которое вполне адекватно отражает изменения исторической науки, ориентированной на позитивистские каноны научности, представляя собой средство анализа теоретически организованного знания исторических фактов. Поэтому нарративы, выражающие концепцию, будут лишь конкретным видом повествования, характерным для определенного этапа исторического познания. При этом возникает вопрос о том, как они соотносятся.

Для ответа на него вполне уместно использовать известное гегелевское положение об отношении формы и содержания. Оформленность содержания означает наличие заключающейся в форме структуры, которая определенным образом упорядочивает это содержание, придавая ему смысл. Однако в рамках позитивистской парадигмы изучения истории такая роль отводится теории, в соответствии с которой строится метод. Поэтому реализация исследовательского метода, базирующегося на определенных теоретических положениях, должна приводить к созданию определенной формы нарратива. Из этого следует, что центральный субъект такого нарратива, о котором довольно долго спорили представители аналитической философии истории, будет выражением теоретических представлений исследователя о предмете истории. Структура повествования будет задаваться методологическими принципами и пониманием ученым того, что такое исторический факт, описание которого служит элементом нарратива. Теперь уже возникает вопрос о том, зачем нужно введение дополнительного понятия.

Думается, что формальный характер понятия «нарратив» определяет некоторые его преимущества перед содержательным понятием «концепция». Формальный характер понятия «нарратив» позволяет сравнивать повествования, созданные при изучении различных проблем, тогда как сравнение концепций возможно только относительно одной и той же проблемы. Помимо этого в рамках единой познавательной парадиг-

мы возможны различные концептуальные решения одной и той же проблемы, поэтому нарратология дает более надежную основу для классификации направлений и школ в историографии. Фиксация в структуре нарратива принципов его построения, которые при позитивистском подходе к истории определяются теоретико-методологическими взглядами историка, дает реальную основу для реконструкции последних в случае, когда они не выражены в концепции явно. Даже если теоретико-методологические принципы четко и ясно формулируются историком, нарратив является более эффективным в сравнении с концепцией средством изучения их динамики. Как правило, пересмотр концепции начинается с тех положений, которые составляют ее ядро, в то время как периферийные положения и связанные с ними исторические факты, наследуемые от предшествующих исследований, долго сохраняются, кочуя из одной работы в другую. Форма же сразу реагирует на изменение теоретико-методологических подходов историка к изучаемому материалу, даже если они не до конца осознаются. Концепция как содержательное понятие в большей степени ориентирована на раскрытие внешних факторов, влияющих на изучение прошлого, что нашло свое отражение в преувеличении зависимости исторических взглядов исследователя от его социального положения. Нарратив более направлен на выявление внутренних механизмов движения исторического знания, что может быть полезным для преодоления односторонности социологизированного подхода к изучению причин развития исторического познания. Понятие «концепция», связанное со стремлением объективизировать историческое познание, отодвигает личность историка на второй план и сужает предмет историографии до истории исторической науки. Нарратив, являясь выражением исторических знаний, удовлетворяет также потребности автора в коммуникации с читателями, что создает возможность посредством применения этого понятия обратиться к рассмотрению индивидуального, проявляющегося в авторском («первичном») стиле повествования, и типического, соответствующего структурам его восприятия читающей публикой, т. е. «вторичного» стиля, который может быть основой для типологии исторического сознания. Это позволит применить культурологический подход в историографии, при котором рассматривается не только процесс создания знаний, но и их функционирование в культурной среде.

Такой подход выводит историографическое исследование за рамки привычных представлений об историчности как об отношении к прошлому, формируемому лишь профессионально подготовленными пред-

ставителями академического сообщества в результате распространения научных исторических знаний. Тем самым изменяются совокупность понятий, которыми оперирует историография, соотношение между ними и, как следствие, их содержание и смысл²⁷.

Центральное место в изучении здесь занимает понятие «*историческая память*». Историчность при таком подходе понимается как антропологическая универсалия, характеризующая память как атрибут человека. Именно историчность регулирует определенные ментальные операции, связанные с ориентацией *исторических субъектов различного уровня* (отдельных индивидов, социальных групп и общества в целом) в изменяющемся времени и опирающиеся на историческую память. История выступает тем самым как средство формирования ценностного отношения к прошлому путем придания ему смысла. Определение того, что является в прошлом ценным для настоящего, создает основу для ориентации в настоящем и для целеполагающей деятельности субъектов, определяющей в своей совокупности будущее.

Историческая память выступает, с одной стороны, как ментальная способность субъектов сохранять воспоминания о пережитом опыте, который является необходимой основой для выработки исторического сознания (здесь на первый план выступает определяемое - *память*). С другой - как результат определенных смыслообразующих операций по упорядочиванию воспоминаний, осуществляемых в ходе оформления исторического сознания путем осмысления пережитого опыта (здесь на первый план выступает определение - *историческая*). Тем самым историческая память включает широкий спектр не до конца или совсем не рационализированных ментальных форм. Среди них можно назвать устные предания, обычаи, ритуалы, идеи, выражаемые в произведениях художественного творчества (литературе, живописи, скульптуре и т. п.) и в публицистике и т. д. Именно *историческое сознание* может быть определено как системообразующая связь динамической открытой системы, каковой является историческая память. В этом качестве историческое сознание выступает основой идентичности, поскольку обеспечивает единство и общность исторической памяти, присущей субъектам того или иного уровня.

²⁷ См.: Rösen J. Some Theoretical Approaches to Intercultural Comparative Historiography // *History and Theory*. 1996. Vol. 35. № 4. Theme Issue 35: Chinese Historiography in Comparative Perspective. P. 5-22.

Идентичность представляет собой не устойчивый набор заданных признаков, а их подвижное равновесие, возникающее в процессе коммуникации между субъектами. Динамическая устойчивость определяется постоянным усложнением связей в обществе, при котором человек оказывается одновременно включенным в самые разнообразные социальные отношения. Тем самым задается многообразие оснований и принципов, на базе которых люди соотносят себя с «другими» и осознают собственную причастность к определенной общности. Такими основаниями, например, может служить принадлежность к определенной религии или нации, к определенной политической организации и движению или профессиональной группе, к жителям определенного региона или страны в целом и т. п. Возникающее в результате напряжение между различными основаниями и принципами идентификации (притягивание-отторжение, ненависть-толерантность, опасение-доверие и т. п.) может обеспечить ее динамизм, предотвращающий «распад» субъекта как самосознающей себя целостности, только при единстве исторической памяти.

Социальная обусловленность идентификации в процессе становления человеческой личности позволяет показать этот процесс как восприятие и развитие традиции в индивидуальной деятельности или как отказ от исторического наследия. Укорененность в социальном прошлом делает человеческую жизнь исторической, поскольку в этом прошлом лежит и начало, и возможность отдельной жизненной истории. Воспринимая себя как индивидуальность, человек в тоже время относит себя к тому или иному сообществу, члены которого связаны общим прошлым и общими целями, наиболее существенными из которых являются те, что направлены на его сохранение. Подобное единство обеспечивается историческим сознанием, связывающим воедино элементы исторической памяти.

Системный и коммуникативный подходы, которые используются при таком определении роли исторического сознания, предполагают рассмотрение процесса изменения идентичности как результата *кризиса исторической памяти*. Под кризисом в данном случае понимается ситуация, когда историческое сознание сталкивается с таким пережитым опытом, отложившимся в памяти, который не укладывается в рамки привычных исторических представлений, что ставит под угрозу сложившиеся основания и принципы идентичности. Применительно к предмету данного исследования - историческому восприятию прошлого России людьми, оказавшимися в ходе революции и гражданской войны в

эмиграции, - такой кризис носил катастрофический характер. В соответствии с типологией кризисов исторической памяти, предложенной немецким философом Й. Рюзенем, этот кризис препятствует восстановлению идентичности, ставя под сомнение возможность исторического смыслообразования в целом. Такой кризис выступает как психологическая травма для субъектов, которые его пережили. Пережитый опыт в данном случае воспринимается как катастрофа, поскольку он не может быть, с точки зрения субъектов, наделен каким-либо смыслом. Отчуждение «катастрофического» опыта путем замалчивания или фальсификации не решает проблемы: он продолжает влиять на современную реальность, а отказ учитывать его сужает возможности адекватной постановки целей и выбора средств их достижения субъектами.

Основным способом преодоления кризисов исторического сознания является нарратив, посредством которого прошлый опыт, зафиксированный в памяти в виде отдельных событий, оформляется в определенную целостность, в рамках которой эти события приобретают смысл. «Извлеченный» таким образом из прошлого смысл становится основой для целеполагающей деятельности людей, которых объединяет в настоящем близкое видение их общего прошлого. Тем самым конструирование исторической памяти с помощью исторических нарративов является средством формирования идентичности или самосознания, неразрывно связанного с определенным характером деятельности. Поэтому сознательный или неосознаваемый выбор той или иной стратегии преодоления кризиса исторической памяти будет выражаться в том или ином типе исторического повествования, а эвристическим средством изучения принципов такого выбора может стать типология исторических нарративов.

Использование типологии исторических нарративов для изучения процесса изменения стиля исторического мышления предполагает соблюдение ряда методических требований, наиболее важными из которых являются следующие:

(1) Изучение взглядов того или иного историка будет корректным только при рассмотрении созданных им произведений как целостных текстов, а не расчленения живой ткани повествования на отдельные соответствующие тем или иным периодам фрагменты с целью сопоставления их с более ранними или поздними оценками этих периодов этим же исследователем.

(2) При анализе влияний важно не вычленение заимствуемого положения, а выявление способа его включения в целостность текста, по-

сколькo от способа интеграции зависит изменение значения и смысла включаемого в повествование положения.

(3) Реконструкция внутренней структуры исторического нарратива является необходимым условием понимания насколько точно историком была определена и эффективно решена исследовательская задача. Успешная реализация возможностей, создаваемых этим условием, предполагает соотнесение формы и содержания исторического повествования. Такое сопоставление позволяет выявить, является ли форма естественным порождением содержания или навязывается ему из каких-либо внешних (прежде всего идеологических) соображений.

Применение предложенных автором диссертации для изучения историографии теоретических понятий, методологических принципов и следование охарактеризованным выше методическим требованиям позволило ему обосновать следующие положения, выражающие историографический аспект исследования:

Центральным для концепции евразийцев являлось понятие «Евразия». Расположенный между Европой и Азией «евразийский материк» обладал природно-климатическими особенностями, превращавшими его в «особый мир», обеспечивающий единое хозяйственное, культурное и политическое развитие живущих здесь народов. Его пространственная ограниченность и связанность степью определяла общность их исторических судеб и сформировавшихся под влиянием среды этнопсихологических черт, религиозных взглядов и чувств, языков. Причем, истоки единства Евразии восходили, по мысли евразийцев, не к Киевской Руси, а к империи Чингисхана, сыгравшей важную роль в государственном строительстве и сохранении православной религии в условиях идейной и военной угрозы Запада. Ее прямым наследником стало Московское государство, являвшее собой образец социальной гармонии («государство правды») Социальное единство общества в московский период базировалось на «бытовом исповедничестве», а самодержавие, политическим идеалом которого был «подвиг власти», стремилось к воплощению в жизнь правильно понятых национальных интересов, которыми определялась восточная направленность внешней политики. Напротив, европеизация России, начатая Петром и продолженная его преемниками, привела к извращению евразийской самобытности России, замутнению национального самосознания интеллигенции, бездумно воспринимавшей западные образцы, что привело к расколу культуры на «низы» и «верхи», а в конечном итоге — к революции. Однако, разбушевавшаяся социальная стихия способствовала очищению евразийской сути России

от поверхностного европейского налета. По утверждению евразийцев, наступающий период должен раскрыть общечеловеческую миссию России-Евразии, которая станет центром притяжения неевропейских народов в борьбе Востока и Запада.

Для А. В. Карташева «качественным самоопределением» России являлось понятие «Святой Руси». Провидение определило выбор князя Владимира, приведшего русский народ к византийской крещальной купели. Не изменила Русь восточному православию под ударами татаро-монгольского нашествия. Московское государство восприняло от Византии ведущую роль в миссионерской работе православия на мировом поприще. Осмысление этого процесса в рамках библейской историко-софской традиции вылилось в концепцию «Москва - третий Рим», которую А. В. Карташев определил как высший взлет русского национально-религиозного самосознания. Ослабление Москвы во времена смуты и церковный кризис, разразившийся расколом старообрядчества, сильно поколебали репутацию «третьего Рима». Современные просветительские и культурные средства принесли России реформы Петра. Критически оценивая издержки преобразований, нарушивших канонический порядок церковного управления, А. В. Карташев считал их позитивным результатом синтез абсолютной правды православия и гуманистического достояния античной и западной культуры, Святой Руси и петровской Великой России, проявившийся в русской культуре XIX - начала XX вв. В воплощении преобразованной «симфонии», понимаемой как слияние церкви с душой нации и ее культурой, историк видел энтелехию возрожденной России, которая должна тем самым дать пример всему миру.

Г. П. Федотов считал отправным моментом русской истории принятие христианства. Воспринятое от утратившей творческий потенциал Византии, оно было национализировано, что выразилось в переводе Библии и церковной литургики на старославянский язык. Этим определялось, с одной стороны, самобытное и глубокое переживание «евангельских заветов» христианства, носителями которых стали святые Древней Руси, с другой - отрыв от классического наследия греческой культуры, творчески усвоенного благодаря христианству на Западе и не нашедшего благодатной почвы на Руси. Национализация православия, идейным выражением которой стала концепция Филофея «Москва - третий Рим», обернулась трагедией древнерусской святости. Мерность, сочетание личного духовного совершенствования с социальным служением, характерные для древнерусской святости, были нарушены в

XVI в. победой направления Иосифа Волоцкого, идеи которого оказались созвучны общей тенденции укрепления самодержавия московских царей. В забвении вселенскости православия и необоснованности национальной гордыни, в замутнении богочеловеческого смысла христианства и утрате его гуманистического содержания Г. П. Федотов видел причину социальной окостенелости Москвы, лишившейся всякого творческого потенциала. Слабость Московского государства, проявившаяся в столкновениях с Западом, предопределила необходимость петровских реформ. Однако начатые мощным волевым усилием самодержавного императора преобразования вскоре лишились поддержки со стороны монархии, что обусловило их разрушительные последствия. Право на преобразования, не получившие должной поддержки со стороны дворянства и бюрократии, являвшихся социальной опорой власти, было присвоено «беспочвенной», западнически ориентированной интеллигенцией. Неверно поняв интересы народа, она направила свои усилия на разрушение не только социальной опоры монархии, но и самой власти и государства. Итогом стала трагедия интеллигенции: несмотря на ее гибель в революции, ее западнические идеи в ходе революции были усвоены народом в самом примитивном и поверхностном виде. Произшедший вследствие революционных катаклизмов отрыв русского народа от национальных корней создавал условия для возрождения интеллигенции, которая в новых условиях должна была стать силой, способной восстановить утраченную связь с прошлым. Однако творческий потенциал прошедшего заключался не в узко понимаемом христианском национализме, а в тех чертах вселенскости, которые своеобразно воплотились в древнерусской святости, в вечных евангельских основаниях христианства.

Очевидное несходство содержания исторических концепций «Евразии» и «Святой Руси» не должно заслонять определенную общность в их формальном выражении, что в свою очередь указывает на те различия, которые являются действительно существенными. Общность отправных интенций евразийцев, А. В. Карташева и Г. П. Федотова обуславливалась революционными потрясениями, которые привели часть российской интеллигенции в эмиграцию. Для евразийцев, объединенных «катастрофическим мироощущением» вселенских перемен, а также для А. В. Карташева и Г. П. Федотова, в апокалиптической перспективе воспринимавших происходящее на родине, было присуще стремление к новому осмыслению культурно-исторического идеала, который мог бы стать основой духовного преодоления большевизма. Национальный, по

своей сути, основанный на православии, он не должен был быть простой реставрацией дореволюционных консервативных идеологий. В концепции А. В. Карташева, как и евразийцев, он представлялся великодержавным идеалом, против чего решительно выступал Г. П. Федотов, указывавший на диалектическую связь между национальным и все-ленским при ведущей роли последнего.

Все мыслители, чье творчество было рассмотрено в работе, исходили из признания особого призвания русского народа, которое определялось его отличительной исторической судьбой. В прошлом народа они искали истоки его особых этнопсихологических черт, сформировавшихся в ходе его исторического развития, которые могли послужить основой для его культурно-исторической идентификации. Выступая как системообразующие связи, эти черты позволяли обосновать положение об особом культурно-историческом типе эволюции России. Свою задачу они видели в раскрытии этих черт, а значит и исторического призвания народа. Причем именно с психологическими особенностями народа связывалась возможность решения тех проблем, которые наиболее остро проявились во время революционных потрясений в России начала XX столетия, - национальной и социальной. Этим подходом в значительной мере определялось то, что идентификация предполагала не столько выявление реальных психологических черт, присущих русскому народу, сколько построение идеала, к которому он должен стремиться. Сам же предлагаемый идеал был *postfactum* ответом на революцию и в значительной мере являлся моральной компенсацией утраченной связи с родиной, а ощущаемая как насущная задача его определения оправдывала смысл жизни и деятельности в изгнании.

Общими для евразийцев и А. В. Карташева были и те истоки, из которых они выводили его, и та духовная традиция, которой они следовали. Концепция «Москва - третий Рим» являлась для них озаменованным истоком этой традиции, а славянофилы были родоначальниками ее осмысления в современных условиях. Причем важную роль в формировании их подхода к пониманию этой традиции сыграл Н. Я. Данилевский, хотя они восприняли его идею культурно-исторических типов по-разному. Для евразийцев важнее была антизападническая, изоляционистская направленность культурологии Н. Я. Данилевского, отличавшая его от ранних славянофилов. Они очень резко выступали против каких бы то ни было попыток диалога между православием и католичеством и негативно относились к «романо-германской» культуре, хотя Савицкий и признавал необходимость воспользоваться плодами западной цивили-

зации. Для А. В. Карташева ведущей была идея миссии православных народов, прежде всего русского, сближавшая «неославянофилов» с их предшественниками. Он считал необходимым и возможным восстановление единства христианства и использование при выработке нового идеала достижений европейской культуры. Близкую к А. В. Карташеву позицию по данному вопросу занимал Г. П. Федотов, который готов был признать преемство своих взглядов от славянофилов, но при опосредующем влиянии раннего В. С. Соловьева, а не «неославянофилов». Он решительно расходился с евразийцами и А. В. Карташевым в вопросе об особой миссии России в мире. Даже намек на возможность его решения в духе национального мессионизма был неприемлем для Федотова. Помимо этого его отличало от П. Н. Савицкого неприятие в эти годы духа западной цивилизации.

Однако, несмотря на различие акцентов, следует отметить определяемую единой традицией и условиями переосмысления общность *нового принципа* культурной идентификации евразийцев, А. В. Карташева и Г. П. Федотова. В отличие от характерного для их предшественников, прежде всего славянофилов, видения в национальном духе *причины* культурного развития человечества, они усматривали в национальных особенностях *условие* культурного прогресса, одним из важнейших показателей которого становилось совершенство социальных отношений. В построениях евразийцев это проявлялось в придании славянофильскому понятию «соборность» статуса социологической категории. В ходе развития идеологии евразийства эта категория претерпела превращение сначала в «симфоническую личность», а затем - в «автаркию». Сочетающая хозяйственное самодовление с истинной идеей-правительницей, сутью которой было благо всех народов, населяющих данный автаркический мир, автаркия обеспечивала различным народам единый жизненный уровень при сохранении многообразия их национальных культур. В интерпретации А. В. Карташева славянофильское понятие «соборность» также изменилось, что отразило искания русской религиозной мыслью форм соборной, всенародной теократии снизу, а не сверху, или «христократии», которая ведет к построению общества, основанного на социальной справедливости. Г. П. Федотов, отмечая парадоксальное тождество в соборном единстве части (т. е. индивида, отказавшегося от своих эгоистических устремлений) с целым, считал возможным на такой основе соединить идеалы либерализма, социализма и христианства.

Поскольку культурный идеал связывался с православием и в то же время рассматривался как национальный, постольку для евразийцев, А. В. Карташева и Г. П. Федотова важными становились этнопсихологические особенности переживания русским народом опыта христианства. Евразийцы и А. В. Карташев определяли его близкими по содержанию понятиями «бытовое исповедничество» и «культовое благочестие». Одинаково виделся им и способ преобразования общества через его «оцерковление», хотя условия осуществления идеала представлялись им по-разному. Евразийские положения о демотическом государстве, опирающемся на идеократию и руководимом единственной партией, были неприемлемы для А. В. Карташева. Осуществление преобразенной «симфонии» церкви со стихией свободного общества возможно было, по его мысли, в правовом государстве при независимой от него церкви и праве на открытое выражение самых различных мнений. Г. П. Федотов, в отличие от А. В. Карташева и евразийцев, видел в «бытовом исповедничестве» результат подражательного восприятия христианства у исчерпавшей творческий потенциал Византии. Считая христианство религией личности, он признавал необходимым утверждение формальной свободы, что сближало его с А. В. Карташевым, но выступал против формальной демократии. Разрабатываемые им идеи реальной демократии напоминали идеократический строй, отстаиваемый евразийцами.

Характерной чертой идеалов, сформулированных евразийцами и А. В. Карташевым, являлся национальный мессионизм. Русскому народу, по их мнению, была определена провидением и исторической судьбой особая миссия - указать миру пути выхода из кризиса, который воспринимался ими не только как национальный, но и как мировой. Хотя Г. П. Федотов и отрицал положительное значение идеи мессионизма, он также признавал, что осуществление вселенского христианского идеала предстояло в будущем, в то время как его истоки лежали в прошлом. Это создавало угрозу разрыва временного континуума. Способы его сохранения, выбранные евразийцами, А. В. Карташевым и Г. П. Федотовым, были различны.

Для евразийцев решением проблемы стало соединение в понятии «месторазвитие» понятий «пространство» и «время». Такое соединение превращало время, пользуясь гегелевской терминологией, в «дурную бесконечность». Исторические изменения лишались качественного содержания. Их выражением становился *ритм* исторических событий, которые представляли или периодически повторяющиеся попытки об-

разования всеевразийского государства (у Г. В. Вернадского), или «подъемы» и «депрессии» в развитии России-Евразии (у П. Н. Савицкого). Время становилось замкнутой в себе вечностью, в которой пребывало сакральное - Евразия. Каждое новое явление соотносилось с этим вечно пребывающим, возвращая современников к истокам. Создаваемые евразийцами исторические повествования несли на себе черты архаического, или «традиционного», типа нарратива, который формирует представление о длительности как постоянстве заданных прошлым и непосредственно воспринимаемых образцов поведения. Идентификация при этом достигается их принятием и растворением индивида в общности, для которой они свойственны.

Вполне оправданно П. Н. Савицкий писал при характеристике особенностей евразийского мировосприятия о его обращенности к эмпирическим данным. Однако в XX в., в условиях, когда давно утвердилось всепроникающее теоретически обобщаемое знание, на основе которого формировался стиль мышления и самих евразийцев, непосредственное эмпирическое восприятие окружающего мира было невозможно. Поэтому основой для прыжка за пределы времени, понимаемого как последовательный переход от прошлого к настоящему и от него — к будущему, стал системный подход при акцентировании внимания к структуре, которая соответствовала заданному образцу - эйдосу.

Говоря о России-Евразии как «самодовлеющей» системе, П. Н. Савицкий ставил задачу *систематического* рассмотрения ее прошлого для раскрытия структурных связей между природой и обществом, а Н. С. Трубецкой выявлял системообразующую связь в ментальности русского народа, важным элементом которой являлись черты туранской психики. Реализацией системно-структурного видения прошлого России-Евразии стала концепция исторического прошлого России-Евразии, предложенная Н. С. Трубецким в брошюре «Наследие Чингисхана». Отсутствие системообразующей связи в Киевской Руси определило распад этого государственного образования, не сыгравшего сколько-нибудь важной роли в русской истории. Напротив, монгольская империя стала прообразом политической системы Московского государства, которое имело аналогичную властную структуру, но при иной системообразующей связи («кочевой быт» заменило «бытовое исповедничество»). Распад этой связи, начавшийся в результате петровских преобразований, стал в конечном итоге причиной революции.

Однако попытка Г. В. Вернадского на этих основаниях создать целостное историческое повествование о прошлом «месторазвития» России-

Евразии оказалась успешной лишь в «Начертании русской истории», пока рассматриваемые факты представляли геополитическую сферу прошлого российской государственности. Как только он попытался выйти за эти ограниченные рамки и представить культурную историю России-Евразии, построив ее вокруг этого понятия, повествование начало «рассыпаться». Объединение нарратива при помощи новой структуры, когда соединяющими скрепами стали отдельные элементы социальной жизни (как у П. Н. Милюкова), привело к тому, что в «Звеньях русской культуры» существенно важные положения евразийской исторической концепции становились не всегда уместным довеском. Одна из главных причин неудачи создания «евразийской истории» заключалась в следующем. В «Начертании», несмотря на кажущееся выведение русского народа на первый план в истории, повествование велось, по сути, о государстве, сосредотачиваясь на процессе установления политического контроля над территорией прежде всего и отчасти на внутривнутриполитических изменениях, особенно в переломные моменты (утверждение Московского государства и петровские преобразования и их последствия). Это позволяло использовать в качестве центрального субъекта исторического нарратива понятие «месторазвитие» России-Евразии, в котором ведущим был пространственный признак. В «Звеньях» же Г. В. Вернадский обратился к истории народа, его культурной жизни как целостного социального организма. Поэтому пространственные признаки (взаимодействие с соседними народами) стали внешними по отношению к внутреннему состоянию народа-общества, что определяло внешний по отношению к сути рассматриваемых явлений характер понятия «месторазвитие».

Системно-структуралистский подход к прошлому позволяет назвать евразийцев «мастерами раннего постмодернизма», как это делает Ф. И. Гиренок. С постмодернизмом их роднит отказ от сформировавшегося на основе историзма представления о времени как преемстве прошлого, настоящего и будущего, раскрывающемся в творческой деятельности человека и являющемся основой для его исторической идентификации. Апология импульсивной деятельности, являющейся признаком самообладания и внутренней свободы в настоящем и позволяющей поэтому вырваться из «дурной временности», т. е. естественного течения времени, в сочетании с положениями об эйдократическом преобразовании мира вела евразийцев к тоталитаризму. Таким образом, предлагаемые евразийцами принципы исторической идентификации, исходившие из единства законов природы и общества, не оставляли места для твор-

чества человеческой личности, которое было бы *способно поддерживать и обогащать традицию*.

Иное решение было найдено А. В. Карташевым. Внешне дискурс его исторической концепции соответствовал гегелевской триаде: тезис - антитезис - синтез. Тезисом служило признание отправной точкой русской истории крещения, заложившего основы «симфонии» церкви и государства. Антитезисом явились реформы Петра I, противопоставившего тезису Святой Руси антитезис светского государства и светского просвещения. В результате сложного и противоречивого процесса усвоения и переработки новых начал родился «синтез абсолютной правды Православия и гуманистического достояния античной и западной культуры, Святой Руси и Петровой Великой России»²⁸. Он воплотился в творчестве деятелей российского религиозного возрождения начала XX в., истоки которого восходили к славянофилам, Н. В. Гоголю, Ф. М. Достоевскому, Вл. С. Соловьеву. Однако данный процесс был насильственно прерван, что требовало внести коррективы в построение дискурса.

В рамках традиционного историзма, опирающегося на гегелевскую диалектику и позитивистскую теорию прогресса, между прошлым, настоящим и будущим признается объективная связь. Прошлое рассматривается как предпосылка и причина настоящего, которое в свою очередь выступает причиной будущего. Таким видением исторического процесса определяется ретроспективный характер исторического познания, при котором исследователь прошлого отправляется от свершившегося факта в поисках его причины. В конкретных условиях утверждения власти большевиков в пореволюционной России ее настоящее не могло быть воспринято А. В. Карташевым. Но из отрицания консеквента по законам логики вытекает отрицание антецедента в силлогизме. Поэтому одним из возможных путей объяснения предреволюционной истории России, исходящим из признания ложности революции, могло быть определение как ложного и предшествующего ей периода. Именно таким образом рассуждали евразийцы, которые признавали духовную ложь революции, но стремились осмыслить ее *как факт*. Однако логика дискурса вела их дальше: от признания революции как факта, хотя и ложного, - к ее оправданию.

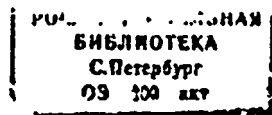
Такой способ рассуждения был неприемлем для А. В. Карташева. С одной стороны, он не отрицал положительного влияния петровских

²⁸ Карташев А. В. «Святая Русь» в путях России. Париж, 1938. С. 22.

преобразований для России, хотя и видел их негативные стороны: прежде всего утверждение лаической культуры и подчинение церкви государству. С другой, - он не признавал никакого положительного значения за фактом революции. Поэтому выход был найден в другом. Проблема разрешалась перенесением настоящего в будущее. Такой подход был чреват разрывом. Сохранить преемственность позволяло выявление соответствующего «настоящему-будущему» - «настоящего-прошлого». Однако здесь вновь возникали подводные камни, поскольку происходило не только удвоение понятий, но и удвоение понятия «настоящее». Оно рассматривалось как *истинное*, ибо только такое его понимание позволяло соединить его с «будущим» в рамках теологического видения истории. На практике это означало *quaternio terminorum*, что не позволяло использовать классическую логику. Недейственность логики компенсировалась указанием на антиномичность православного мировидения.

Антиномичность православия базировалась на Халкидонском оросе о богочеловеческой природе Христа. Это позволяло А. В. Карташеву видеть в человеческой истории процесс продолжающегося богооткровения, чем определялся его своеобразный подход к консерватизму и традиции. Православному консерватизму противопоставлялся фанатизм, а следование традиции допускало инновацию. Тем самым открывалась возможность свободы творчества в богословии, нормы оценки которого коренились в догматике, а истинность определялась церковной практикой. Поэтому осмысление исторической судьбы России А. В. Карташевым выражалось в описаниях, которые заключали в себе черты «генетического» типа нарратива, выражающего качественное изменение. Однако обоснование нового понимания теократического идеала («христократии») и утверждение аскезы общественного служения в качестве средства ее достижения ограничивалось сформировавшимися у него еще в молодости, до революции, представлениями об органическом характере исторического процесса. В рамках таких представлений идея «молекулярного» (т. е. механистического) преобразования общества выглядела инородной.

В творчестве А. В. Карташева эсхатология подменялась хилиазмом, предполагающим возможность построения Небесного Града на земле при активной роли церкви, как социального института, опирающегося на исторических союзников. Этим определялся теологический и в то же время органический утопический взгляд на историю, разворачивающуюся как процесс, в котором деятельность отдельной личности заело-

нялась социальными институтами и главными среди них - церковью и государством, а затем и обществом. Взгляд А. В. Карташева был взглядом из-за церковной ограды на мир, подлежащий «оцерковлению». В этом процессе он видел главный смысл истории, которая, несмотря на все срывы и попятные движения, все-таки носит прогрессивный характер. Вера в прогресс определяла оптимизм тех, кто разделял такой взгляд, и их стремление активно участвовать в деятельности той силы, которая преобразует жизнь человечества. Познание истории при этом сводилось к объяснению произошедшего на основе установления каузальных связей и путем ссылки на обобщения, в которых формулировалась историческая необходимость того или иного явления или процесса.

У Г. П. Федотова видение истории определялось более широким горизонтом всеобъемлющей культуры, частью которой выступала реальная церковь, а христианство облекалось в культурный стиль эпохи. Поэтому его формула гласила: «От мира - в Церковь, от Церкви - в мир»²⁹. Церковь понималась им, прежде всего, как мистическое Тело Христово, в которой каждый должен выступить соратником Божиим. Тем самым личность, наделенная свободой воли, выдвигалась на первый план. История, как процесс, лишался цели, ибо последняя не дана, а задана каждому. Но единство задания для всех придавало ему универсальный характер и являлось основой для «общего дела», а значит и для всеобщности. Взгляд Г. П. Федотова на историю был трагичен. В соответствии с законами жанра трагедии гибель героя, обусловленная неизбежным конфликтом, борьбой со злом в себе или в окружающем мире, приводила к очищению. Формой такого очищения являлось покаяние. Тем самым трагизм истории, раскрываемый в ее познании, выступал средством воспитания мужества, ибо без него нельзя смотреть прямо в глаза смерти. При таком взгляде на историю, когда ее содержание представлялось борьбой противоположных начал, способом ее познания становилось различение и преодоление антиномий. Результатом познания являлось раскрытие стиля деятельности, который определяется и определяет стиль исторической эпохи. Это позволяло за индивидуальным в истории видеть типическое и, наоборот, в типическом замечать индивидуальное. Федотовское понимание божественного призвания человека в деле преобразования мира трансформировало и понимание христианского идеала, который становился не столько содержательным, сколько

²⁹ Федотов Г. П. Изучение России // Федотов Г. П. Лицо России. Статьи 1918-1930 гг. Paris, 1967. С. 255.

функциональным, а следовательно, не только национальным, но и вселенским. Исторический процесс при таком видении превращался в дискретный, каждый момент которого был открыт в будущее, которое не дано, а задано. Поэтому явление отдельных сторон идеала, как и измена ему, были возможны во все периоды истории.

Г. П. Федотов увидел залог преобразования России в духовном творчестве святых Древней Руси, которые раскрыли национальное призвание русского народа в кенозисе, в последовании любви Христовой к Богу и человеку. Ими самобытно была явлена вневременная и, по сути, вселенская установка личного и общественного поведения человека, оценка результатов деятельности которого выносилась за пределы истории - ко времени второго пришествия Эсхатона. Тем творческая деятельность личности становилась связующим звеном в постоянно обновляющемся проявлении идеала. Историческое повествование приобретало ярко выраженные характеристики «генетического» типа нарратива, при котором прошлые образцы деятельности трансформируются, чтобы быть включенными в современные условия. Длительность предстает как развитие, в котором формы жизни непрерывно изменяются, чтобы утвердить свое постоянство в динамике.

Таким образом, евразийцами, А. В. Карташевым и Г. П. Федотовым были созданы содержательно отличные концепции истории России. Евразийцам ее прошлое и будущее представлялось как судьба Евразии, А. В. Карташеву и Г. П. Федотову - Святой Руси. Однако, А. В. Карташев и Г. П. Федотов расходились в понимании того, кто являлся носителем идеала. Для первого им был народ, для второго - святые Древней Руси. Различны были и принципы идентификации на основе данных идеалов. Для евразийцев способом самосознания являлось соотнесение с заданным образцом, что исключало его качественное преобразование (развитие). А. В. Карташев, опираясь на модифицированное гегельянское видение исторического процесса, утверждал диалектику форм проявления народного идеала и самосознания. Г. П. Федотов особо подчеркивал значение для воплощения вселенского христианского идеала культурного творчества не только тех, кто находился в стенах церкви, но и всех, в чьем творческом порыве загорается искра Божья.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора:

1. Антощенко А. В. Нарратив как категория историографического анализа//Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии. Материалы конференции. Вологда, 1995. (0,1 п.л.)
2. Антощенко А. В. Исторический нарратив как средство коммуникации // Коммуникации в культуре. Материалы научно-теоретического семинара. Петрозаводск, 1996. (0,3 п.л.)
3. Антощенко А. В. Теократическая концепция «Святой Руси» А. В. Карташева // Россия в новой время. Историческая традиция и проблемы самоидентификации. Материалы научной конференции. М., 1996.(0,1 п.л.)
4. Антощенко А. В. Эволюция теократического идеала А. В. Карташева // Вече. Альманах русской культуры и философии. СПб., 1997. Вып. 9.(0,7 п.л.)
5. Антощенко А. В. А. В. Карташев о смысле старообрядчества // Старообрядчество: история, культура, современность. Тезисы 3-й научно-практической конференции. М., 1997.(0,1 п.л.)
6. Антощенко А. В. Споры о евразийстве // О Евразии и евразийцах. Библиографический указатель / Науч. ред. А. В. Антощенко, А. А. Кожанов. Петрозаводск, 1997. (вступительная ст. 2,7 п.л.)
7. Антощенко А. В. Вопросы внешней торговли в экономической концепции евразийцев // Ученые записки С.-Петербургского филиала Академии таможенной службы. СПб., 1997. № 1(3). (1 п.л.)
8. Антощенко А. В. «В России желательна республика» / Публикация и комментарии // Исторический архив. 1997. № 2. (0,8 п.л.)
9. Антощенко А. В. «Евразия» или «Святая Русь»? (Евразийцы и А. В. Карташев) // Проблемы историографии, источниковедения

- и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Тезисы выступлений. Омск, 1997. (0,2 п.л.)
10. Антощенко А. В. О теократической концепции «Святой Руси» А. В. Карташева (особенности дискурса) // Человек, философия, гуманизм. 1-й всероссийский философский конгресс. СПб, 1997. Т. 2. (0,2 п.л.)
 11. Антощенко А. В. Антон Владимирович Карташев (1875-1960) // Историки России XVIII-XX веков. М., 1997. Вып. 4. (1 п.л.)
 12. Антощенко А. В. Николай Сергеевич Трубецкой (1895-1938) // Историки России XVIII-XX веков. М., 1997. Вып. 5. (1 п.л.)
 13. Антощенко А. В. Два взгляда на раскол русской православной церкви (В. О. Ключевский и А. В. Карташев) // Рябининские чтения '95. Сб. статей. Петрозаводск, 1997. (0,4 п.л.)
 14. Антощенко А. В. Письмо П.Н.Милюкова В. А. Маклакову / Публикация и комментарии // Исторический архив. 1998. № 3. (0,2 п.л.)
 15. Антощенко А. В. Евразия или Святая Русь? (Российская пореволюционная эмиграция в поисках утраченного идеала) // Ситуации культурного перелома. Материалы научно-теоретического семинара (24-26 апреля 1997 года). Петрозаводск, 1998. (0,4 п.л.)
 16. Антощенко А. В. В. О. Ключевский о расколе (построение нарратива) // Отечественная история. 1999. № 3. (1 п.л.)
 17. Антощенко А. В. «Историческая память» как предмет историографии // Отечественная историография и региональный компонент в образовательных программах: проблемы и перспективы. Омск, 2000. (0,2 п.л.)
 18. Антощенко А. В. К новому пониманию предмета историографии // Пути познания истории России: новые подходы и интерпретации. М., 2001. (1,2 п.л.)

19. Антощенко А. В. Карташев Антон Владимирович // Историки России. Биографии. М., 2001 (0,8 п.л.)
20. Антощенко А. В. Трубецкой Николай Сергеевич // Историки России. Биографии. М., 2001. (1,2 п.л.)
21. Антощенко А. В. В поисках неевропоцентристского взгляда на прошлое: отклики эмигрантских историков на евразийскую историю России Г. В. Вернадского / Публ., предисл. и ком. // Ab Imperio. Казань, 2002. № 1. (1,3 п.л.)
22. Антощенко А. В. «Евразийские истории» Г. В. Вернадского // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2002. Вып. 9. (1,5 п.л.)
23. Антощенко А. В. А. В. Карташев и становление Свято-Сергиевского богословского института в Париже // Материалы международной научной конференции «Макарьевские чтения». Горно-Алтайск, 2002. (1 п.л.)
24. Антощенко А. В. Празднование 175-летнего юбилея Московского университета в русском зарубежье // Культура исторической памяти. Материалы научной конференции. Петрозаводск, 2002. (0,5 п.л.)
25. Антощенко А. В. Особенности исторического нарратива в статье Г. П. Федотова «Трагедия интеллигенции» // Культура и интеллигенция России между рубежами веков. Метаморфозы творчества. Интеллектуальные ландшафты (конец XIX в. - начало XXI в.). Материалы V Всероссийской конференции с международным участием. Омск, 2003. (0,1 п.л.)
26. Антощенко А. В. «Евразия» или «Святая Русь»? Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории. Петрозаводск, 2003. (20 п.л.)

ЛР ИД № 02969 от 06.10.2000
Гигиенический сертификат № 10.КЦ.34.953.П.00136.03.99 от 05.03.99
Подписано в печать 26.02.04 Формат 60x84 1/16/
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. Л. 2. Усл. кр.-отг. 10. Тираж 100 экз. Изд. № 30.

Петрозаводский государственный университет
Типография издательства Петрозаводского государственного университета
185640, Петрозаводск, пр. Ленина, 33

№ - 5606